

Протоиерей Василий Верюжский

СВЯТАЯ ГОРА АФОН И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРАВОСЛАВИЯ И СЛАВЯНСТВА

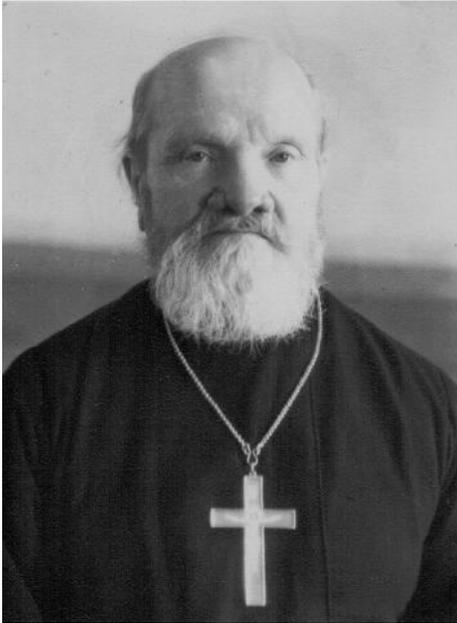
В статье, которая была написана профессором Ленинградской духовной академии протоиереем Василием Верюжским более полувека назад, в 1952 г., рассматривается вкратце история зарождения монашества на Афоне и влияние афонских аскетических традиций на историю и культуру славянских народов. Особое внимание уделяется взаимоотношениям Русской, Сербской и Болгарской Православных Церквей с Афоном, а также тем проблемам, которые возникли во взаимоотношениях между греками и славянами в XIX в. и просуществовали вплоть до середины XX в. Трения и разногласия возникли далеко не случайно. По мнению профессора протоиерея Василия Верюжского, «греки всегда были преувеличенного представления о своем значении в православии». Автор считает, что решение подобного рода вопросов позволит Константинопольской патриархии «стать на высоту православного сознания и остаться выше национальных пристрастий». Статья воспроизводится по тексту, который хранится в личном деле профессора протоиерея Василия Верюжского в архиве Санкт-Петербургской духовной академии (Д. 1314. Л. 26–58) с небольшими стилистическими и пунктуационными правками.

Ключевые слова: проф. прот. Василий Верюжский, архив СПбДА, Афон, Константинопольский патриархат, Русская Православная Церковь, Сербская Православная Церковь, Болгарская Православная Церковь, преподобный Афанасий Афонский, святитель Григорий Палама, Хиландар, Зограф, Пантелеимоновский монастырь.

Св. гора Афон находится на окраине православного греко-славянского мира, расположена в юго-восточной части Халкидического полуострова, впадающего в Эгейское море. От южной Македонии эта часть полуострова отделена узким перешейком, затрудняющим сообщение с материком. От перешейка же начинается горный хребет длиной до 80, а шириной до 20 км, который, постепенно повышаясь, оканчивается у моря исполинской возвышенностью, достигающей до 2-х км. Т. о., Св. Гора производит впечатление в собственном смысле «пустыни», удаленной от мира, окруженной южным, сверкающим на солнце разноцветными

Протоиерей Василий Верюжский (1874–1955) — профессор Ленинградской духовной академии. Подробнее о биографии и трудах прот. Василия рассказано в статье прот. К. Костромина «Рождение церковно-исторической школы ЛДА (ad memorandum)» на стр. 19-29 текущего номера «Христианского чтения».

Профессор протоиерей
Василий Верюжский (1874–1955)

оттенками, морем и светло-голубым, сливающимся вдаль с морской поверхностью, небом. По описанию прежних и новых путешественников, — это очаровательный уголок южной природы, украшенной разнообразными деревьями, рощами и разноцветными лугами, благоухающий запахом цветов, восторгающий разнообразием горных местностей, обилием тихо журчащих источников — родников и ручейков, пением птиц. Тишина пустыни оглашается только этими, не раздражающими, а успокаивающими звуками природы, располагающими к созерцанию и молитве. Южная природа здесь не расслабляет, т. к. свежий морской ветерок смягчает жару самых знойных дней.

Но не эта сторона представляет главную привлекательность Афона.

Он всегда был знаменит как место святое — «Ἁγίον Ὄρος» греков, «Света Гора» болгар и сербов, святое по преимуществу место для всех православных народов.

И верующие люди всех православных народностей стремились сюда как к своему православному центру, устраивали здесь свои национальные лавры, считали Св. Гору своей святыней. Греки, русские, болгары, сербы, румыны, грузины, даже итальянцы имели здесь свои монастыри, массами прибывали сюда и как паломники, в прежнее время приходили даже пешком, несмотря на расстояние и другие трудности и опасности дальнего пути, иногда оставляли и описания своих путешествий и неизбежных при них приключений. Один из таких путешественников 40-х гг. XIX в., инок Парфений, старообрядец, принявший православие, рассказывает, как он во время своего странствования на Афон в Балканских горных лесах встретился с турецкими разбойниками. Ведь Балканский полуостров тогда еще принадлежал туркам, а Турция всегда кишела разбойниками. Разбой был отчасти протестом разнообразных населений Турции против бесправия

и насильнического турецкого режима: у кого турки отняли или обесчестили жену, сестру, убили мать, отца и т. д. У славян из таких оскорбленных людей составлялся особый вид разбойников, который не трогал своих, а мстил только туркам. Это так называемый «хайдуты». С Парфением встретились разбойники-турки. Потребовали денег. А так как у бедного монаха, кормившегося только подаянием во время пути и заявившего, что он смерти не боится, что через смерть «они пошлют его к Богу», взять было нечего, то разбойники посмотрели на него и ушли назад, в лес.

На Афоне насельники и паломники имели общение с монастырями всех народностей. И таким образом весь православный мир представлял здесь одно целое, в собственном смысле единую Церковь.

В турецкое время православные славяне (особенно болгары), по большей части не имевшие возможности слышать у себя на родине славянского богослужения, а слушавшие его на непонятном для них греческом языке, с восторгом молились на Афоне по-славянски в своих монастырях. Да и вообще молитва на Афоне была, должно быть, особенно горяча.

«Ах, у Святой Горы, — говорится в одном сербском народном стихотворении, —

С Небом се говоре».

Т. е. на Св. Горе можно говорить с Богом.

Афон был не только «Святой Горой», возбуждавшей святое настроение, но он был еще и священной Горой, хранившей лучшие традиции древней Византии.

Две преимущественно особенности обращали на себя внимание в византийской жизни, это — необыкновенная любовь к монашеству (Византия, по свидетельству историков, была «сплошным монастырем») и чрезвычайное разнообразие ее народностей. В Византии было до 20 народностей. Они проникались одной своеобразной византийской культурой, но говорили и писали на своих национальных языках. Св. Ефрем Сирин, например, не знал по-гречески.

Св. гора Афон с ее разнообразием различных православных монастырей, с ее величественными древними лаврами византийской архитектуры, с ее архивами, хранящими древние хрисовулы византийских василевсов (а также грамоты славянских и русских царей) и драгоценными памятниками византийской и славянской письменности, являлась, так сказать, осколком древней Византии.

Обратимся теперь к истории Св. Горы и постараемся обрисовать ее великое историческое значение, в особенности для славянства.

Исстари, по древнему афонскому преданию, удел Божией Матери, бывшей ее «Вратарницей» и «Защитницей» от частых нападений разных насильников, особенно арабов-мусульман, морских пиратов, впоследствии латинян и т. д., Св. Гора считалась жилищем иноков, которым она была отдана наконец в исключительное владение византийскими императорами (Константин Погонат — VII в., Василий Македонянин — IX в., Алексей Комнин — XI в.). Иноки не раз были изгоняемы со Св. Горы и разоряемы, но через некоторое время снова возвращались и строили свои монастыри, преимущественно посвященные их Покровительнице — Божией Матери. По особенностям своего положения, это были преимущественно анахореты-отшельники, подвизавшиеся в многочисленных пещерах и горах Афона (хотя на Афоне еще с древних времен много было общежительных монастырей). Из отшельников прославились: св. Петр, живший на Афоне 53 года (681–734), Иосиф, Иоанн Колов, Симеон, Онуфрий и особенно Евфимий (IX в.).

Общежительное монашество утвердилось и стало развиваться на Афоне только с половины X в., со времени преп. Афанасия Афонского, пришедшего на Афон около 960 г.

Афанасий, человек образованный, был другом императора Никифора Фоки (963–969 гг.), аскета на императорском престоле (он днем носил царское одеяние, а ночью надевал власяницу). Сначала Афанасий жил на Афоне как отшельник (в его житии описывается пустынное и безмятежное житие подвижников). Между тем его друг император Никифор Фока предпринял в 961 г. поход для освобождения о. Крита от сарацин. Узнав о месте нахождения Афанасия, он неоднократно присылал к нему послов с предложением посетить его. Во время пребывания Афанасия на о. Крите Никифор убедительно просил его построить лавру на Афоне, имея сам искреннее расположение к монашеской жизни и желание там поселиться. После он послал Афанасию монаха Мефодия с письмом и золотом на постройку лавры. Монастырь был построен. Афанасий написал для него устав, легший в основу и других общежительных монастырей Афона. Устав был утвержден императором Никифором Фокой.

Кроме лавры Афанасия, на Афоне тогда не было ни одного более или менее замечательного монастыря. Прежние древние монастыри, существовавшие на Афоне, находились в разрушенном виде, так как они погибли во время вышеупомянутых вражеских нападений. Собрания иноков-анахоретов все же там бывали, но редко: трижды

в течение года. Они происходили в Карее (которая до последнего времени оставалась центром Афона) только в праздники Рождества Христова, Успения Божией Матери и Пасхи. Монахи жили, конечно, весьма скудно. Они обрабатывали землю и подвергались опасности умереть с голоду в случае суровой зимы.

Преп. Афанасий впервые основал общежительный монастырь.

Но анахореты и этим не были довольны. Порядок монашеской жизни, введенный преп. Афанасием, им не нравился, так как, с их точки зрения, он нарушал основной принцип монашества — удаление от мира. В глазах анахоретов монашеское общежитие с неизбежным материальным обеспечением в монастыре казалось недостойным монашеского идеала и представлялось им мирским делом. Поэтому они считали кинувийское общежитие препятствием к спасению и отступлением от устава монашеской жизни. На Афоне произошло даже целое восстание.

Около 970 г. иноки отправили к императору Иоанну Цимисхию (969–976 гг.) человека с жалобой на преп. Афанасия в том, что тот нарушил древние обычаи Св. Горы. Они требовали изгнания с Горы и самого преп. Афанасия, уничтожения его лавры, истребления садов, виноградников, пристани — словом, всех нововведений, которые он произвел на Афоне.

Император Иоанн Цимисхий для расследования этого дела отправил на Афон особое доверенное лицо, игумена Студийского монастыря Евфимия. Этому представителю правительства удалось примирить обе стороны и разрешить их недоумения в том смысле, что анахореты все же получили на Афоне преобладающее значение.

Афонский порядок определялся 28 правилами, которые выработаны были с согласия всех игуменов. Эти 28 правил представляют собой древнейший афонский устав — «типикон», известный под названием «трагос», которым регулировалась монастырская жизнь Афона.

В руках анахоретов осталась власть. Инокам было запрещено держать рабочих животных и приобретать крупную собственность.

В 971 г. устав был утвержден Иоанном Цимисхием.

Из этого устава видно, что в это время на Афоне находились представители разных народностей — греческой, грузинской, армянской, славянской и римской. Общее число монахов восходило до 600.

В руках анахоретов находились места безмолвия (исихастирии), рассеянные по всему Афону. Лавре св. Афанасия принадлежали 5 исихастирий. Управление находилось в Карее.

По этому уставу и по следующим, которые появлялись на Афоне, запрещено было держать в монастырях все существа немужского пола. Не только монахини и вообще женщины не имели права здесь находиться и посещать Афон, но даже животные женского пола не имели права находиться на Афоне — для того, чтобы не нарушать покоя этого вечного племени, т. е. монашества, в котором никто не рождается, но которое, тем не менее, существует.

С тех пор монашеская жизнь на Афоне начала процветать. Материальная помощь Афону притекала не только с Востока, но и с Запада. Здесь возникли даже целые монастыри западного происхождения — например Амальфийский и Каракальский.

Императоры, в особенности Комнины и, в дальнейшем, — Палеологи, соперничали между собой в благотворении Афону (Палеологи — даже сверх своих слабых сил, потому что Византийская империя в ту пору клонилась уже к упадку), издавали указы и делали богатые пожертвования этому очагу греческого и вообще православного благочестия. Аскеты всех православных народов здесь находили свою родину. К многочисленным афонским греческим киновиям присоединились сербские, болгарские, русские и грузинские лавры.

За лаврой св. Афанасия вскоре (тоже в X в.) на Афоне возник Иверский — грузинский монастырь. Происхождение (или, вернее, — воссоздание) этого монастыря связано с именем грузинского куропалата Иоанна и знаменитого византийского полководца Торникия, грузина по национальности.

Вскоре после основания Иверского монастыря на Афон прибыло много латинских монахов и мирян из Рима и Амальфы, привлеченных славой Афона. Они сначала подвизались в греческих обителях, а потом построили и свои монастыри: Каральский, а затем и Амальфийский, и жили там по уставу св. Бенедикта.

Стали также возобновляться и другие старые разрушенные монастыри и населяться монахами разных национальностей.

В конце того же X в. был возобновлен монастырь Ватопедский, который с течением времени получил первостепенное значение на Афоне и принадлежал к числу наиболее благоустроенных и многолюдных монастырей. Управлялся по уставу св. Афанасия.

В X же веке был возобновлен монастырь Зограф, который в XI в. населили болгары, и до последнего времени он являлся болгарским монастырем.

Были там и русские подвижники.

Известно, что одновременно с принятием русским народом христианства на Руси появилось и монашество, появилась Киево-Печерская лавра.

Известно также, что отец русских иноков св. Антоний до водворения в Киеве в 1051 г. жил на Афоне. Его пример побудил и других русских, ищущих иноческих подвигов, стремиться на Афон. В половине XI в. там уже был сооружен русский монастырь Пресвятой Богородицы «Ксилургу» (ξύλον — «отрубленное дерево», и ἔργον — «дело»). Как показывает само название, первый русский монастырь на Афоне был, очевидно, деревянным). Этот монастырь, как и сама Киево-Печерская лавра, был посвящен в честь Успения Божией Матери.

Св. Гора в том же XI в. получила полную независимость. Император Алексей Комнин (1081–1118 гг.) в 1094 г. признал ее независимой от соседних Фессалоникийского митрополита и Ериссовского епископа, представив им только право хиротонии священников и диаконов для Афона, но вмешиваться во внутренние дела монастыря никому не было позволено.

«Мы узаконяем, — говорил император Алексей в специальном узаконении относительно Афона, — чтобы Св. Гора была свободна и монахи ее до скончания века не знали никаких податей, чтобы там монахи занимались только молитвами обо всем мире и у них не было никаких других забот».

Начальники областей и соседних мест, говорилось еще в узаконении, не имели теперь права на общение со Св. Горой, и никакие епископы чтобы не вмешивались в монастырские дела, чтобы не давали пресвитерам монастырским своих заповедей и не налагали на них никаких епитимий.

«Единой главой и властью мы поставляем прота (начальника Афона). Презирующий его да будет под нашим негодованием».

Таким образом, Афон приобрел полную самостоятельность и выдвинулся на первое место среди всех греческих монашеских центров.

Но он сделался вскоре и центром всего православного мира и, в частности, всего славянства.

На Афоне был основан Хиландарский монастырь. Это был славянский, чисто сербский монастырь. Первые сведения о сербских монахах на Афоне относятся к 1090 г., когда сербы заняли Ксилургийский монастырь, основанный первоначально русскими и оставленный ими в 1089 г.,

АНКЕТА

на преподавателя Ленинградской Духовной Академии и Семипалатинской Духовной Семинарии

7

1. Фамилия *Верюжский*
2. Имя *Василий* Отчество *Максимович*
3. Год рождения *1874*
4. Национальность *Русский*
5. Социальное происхождение *Сын священника*
6. Образование /указать когда и кем какие духовные и светские заведения окончили с указанием их местонахождения/
Отецский в СВ. Благочиния Академии в 1898
7. Духовный сан *Протоиерей*
8. Профессия или специальность
9. Предмет преподавания *Византизм и история славянских церквей*
10. Является ли работа в духовном учебном заведении основной или по совместительству /указать где и кем работает по совместительству/
Разные семинарии
11. Ученая степень и ученое звание /когда и кем они присуждены/
Доктор церковной истории. Санкт-Петербург. Свято-Симеоновская Духовная Академия в 1947
12. Отношение к военной службе в настоящее время
13. Какие имеют награды *Медаль*
14. Знание иностранных языков *Русский, немецкий, француз, польский, славянские*
15. Были ли заграничей/где и когда/ *То же, что выше. Был в Париже в 1898, в Берлине в 1907, в Вене в 1911*
16. Сведения о судимости *Судимости нет в 1947. Справка № 74. Взята в 1947*
17. Семейное положение *Монах. Религ. 1899*
18. Место службы и род занятий с начала самостоятельной работы и в настоящее время
Духовно-учебная служба в семинарии

Дата заполнения анкеты: *19* " *сентября* 1951.. г.

подпись: *Василий В. Верюжский*

Анкета протоиерея Василия Верюжского
(Архив СПбДА. Д. 1314. Л. 7)

настолько понравился молодому князю, давно чувствовавшему в себе стремление к монашеству, что тот открыл свое сердце русину и уговорился с ним бежать из родительского дома. Увлечение монашеским подвигом было господствующим настроением в религиозной Византии. Оно сообщилось и только что принимавшему тогда христианство славянству. Родители Растко были поражены побегом с монахом любимого сына и отправили за ними погоню. Но погоня настигнуть их не могла; настигла их только уже на Афоне в Пантелеймоновском монастыре, который занимали в то время русские.

т. к. они перешли в Пантелеймоновский монастырь. А через столетие в истории Сербии произошло событие, произошедшее начало новой эпохе Сербской Церкви.

Около 1180 г. какие-то святогорцы, собиравшие милостыню для Афона, пришли к великому жупану сербскому Стефану Немане, объединителю сербской земли. У Стефана Немани было несколько сыновей. Младший из них, Растко, которому было тогда 17 лет, был любимым сыном своих родителей. Это был мальчик чрезвычайно даровитый, подававший большие надежды, очень впечатлительный.

Один из пришедших святогорцев, русский инок, «непрост, но искусен сказаемым», как о нем говорится,

В житии св. Саввы рассказывается, что он принял посланцев своих родителей весьма гостеприимно, угостил их, после чего они улеглись спать, и ночью Растко постригся в Пантелеймоновском монастыре и только с башни сбросил свои «светозарные власы» и княжеское одеяние и приказал отдать все это его родителям.

Так и кончилась жизнь князя и началось житие монаха Саввы, который имел для своего отечества громадное значение. Он сделался впоследствии архиепископом сербским и устройтелем самостоятельности Сербской Церкви. Вскоре Савва перешел на жительство в Ватопедский монастырь, наиболее значительный в то время на Афоне.

Родители, находившиеся в крайней печали по поводу ухода сына, решили также уйти в монастырь. Сам Стефан Неманя, принявший имя Симеона, постригся в Студеницком монастыре, который он основал и который являлся у сербов Сербской лаврой, а жена его Анна также ушла в женский монастырь. В 1197 г. Симеон, прославленный впоследствии как подвижник и святой, 2 ноября прибыл на Афон к своему любимому сыну. У них явилась мысль основать на Св. Горе особый сербский монастырь, и эта мысль была приведена в исполнение. Так получил начало Хиландарский сербский монастырь, который был восстановлен из полуразвалившегося старого монастыря того же названия.

Император византийский Алексей III Ангел (1195 по 1203 гг.) дал право этому монастырю называться царским наподобие других греческих монастырей и даже не греческим, как Амальфийский и Иверский. Они не были подчинены Святогорскому проту и считались самостоятельными. Хиландарский монастырь, таким образом, сделался национальным сербским монастырем, общей задужбиной сербских королей и царей. Он имел исключительное значение для развития Сербской Церкви и даже сербской государственности. Начало влияния этого монастыря было положено самим Саввой — организатором самостоятельной национальной Сербской Церкви.

При погребении родителя св. Саввы, св. Симеона, скончавшегося на Афоне (1200 г.), объединились все православные народности. «Прежде всего пели греки, затем иверы (грузины), русские и болгары, а потом мы — сербы», писал сам св. Савва (Афонский патерик).

По кончине своего родителя св. Савва прожил на Афоне еще 8 лет. Но затем Афону стала угрожать латинская опасность: в 1204 г. Константинополь был завоеван латинянами. И св. Савва переселился в Сербию, в Студеницкий монастырь. Туда же он перенес и мощи своего отца.

В Студеницкой лавре Савва пробыл до 1215 г., думая здесь и закончить свои дни. Но обстоятельства вынудили его поступить иначе. В то время латинское господство на Востоке угрожало самостоятельности не только Сербской Церкви, но и сербской национальности.

После Стефана Немани (Симеона) сербским жупаном был его старший сын, брат Саввы, Стефан. Для того чтобы оградить свою безопасность со стороны латинян, он искал там поддержки и даже не прочь был принять католическую веру. Тогда Савва снова удалился на Афон и после неизвестно сколь продолжительного там пребывания поехал в Никею. Никея после занятия Константинополя латинянами (1204 г.) являлась политическим и церковным средоточием православной Византии. Савва представился императору Феодору Ласкарису и патриарху Герману, рассказал им о делах своего отечества и просил их назначить для Сербии самостоятельного архиепископа, который был бы защитником Церкви. Греки неохотно согласились на самостоятельность Сербской Церкви, но у них в данном случае, как и в других иногда подобных обстоятельствах, церковные интересы оказались выше национально-греческих, и Сербская Церковь сделалась автокефальной.

И патриарх, и император не нашли другого кандидата более подходящего, как самого Савву, и в 1222 г. он был посвящен в архиепископа Сербии.

А Сербии между тем угрожала серьезная опасность со стороны латинства. Надо сказать, что латинство и раньше там существовало. Сербия находилась в Иллирике, западной части Балканского полуострова. А Иллирик в церковно-административном отношении считался под властью папы.

До разделения Церквей это еще не представляло серьезной опасности, а после разделения Церквей, которое произошло в половине XI в., Сербии угрожала опасность быть окончательно причисленной к Римско-Католической Церкви.

Это тем более было вероятно, что единоплеменные с Сербией и соседние с ней Хорватия и Далмация издавна сделались римско-католическими. Здесь и грамота утвердилась не православно-кирилловская, а латинская, и богослужение стало совершаться на латинском языке. Правда, и в Хорватии и Далмации, как и в Моравии и Паннонии, при жизни св. Мефодия утвердилось на некоторое время восточное православие и славянское богослужение, но вскоре после смерти св. Мефодия († 6 апреля 885 г.) они были вытеснены оттуда, и там восторжествовало латинство.

Та же опасность угрожала и Сербии, находившейся до св. Саввы под церковно-административной властью Антиварийского римско-католического архиепископа. Там происходила борьба двух культур и двух церковных властей — греческого Востока и латинского Запада. До св. Саввы православие в Сербии не было прочным. И только благодаря тому обстоятельству, что Стефан Неманя (св. Симеон) стал окончательно на сторону Православного Востока, а св. Савва сделался автокефальным сербским архиепископом, Сербия отмежевалась от западного римско-католического мира, признавши только внешне-иерархическую власть Константинопольского (в то время Никейского) патриарха. Историческая заслуга в этом отношении лежит главным образом на св. Савве.

Но нельзя отнимать и от греческого патриарха Германа (в то время Никейского) и императора Феодора Ласкариса понимание серьезности исторического момента: когда агрессия латинского Запада простиралась слишком далеко, когда Константинополь (с 1204 г.) находился в руках латинян, когда православной Сербии угрожала опасность быть олатиненной (подобно Чехо-Моравии, Хорватии и Далмации), они, хотя и не без внутренней борьбы, отказались от искушения подчинить Сербию в национальном отношении грекам и дали ей автокефального сербского архиепископа.

Около того же времени (1235 г.) была дана полная самостоятельность и болгарской Терновской Церкви, была учреждена Терновская патриархия.

Правда, не всегда Константинопольская патриархия стояла на высоте православной свободы, нередко она руководилась национально-греческими интересами, но в самые ответственные моменты жизни Православной Церкви Константинопольский патриархат умел проявить себя все-таки *вселенским* патриархом, умел встать на православную, вселенскую точку зрения.

Если вопрос о православии в Сербской Церкви был окончательно решен при св. Савве, то все же христианство там находилось несколько в неупорядоченном состоянии. Например, здесь оказывалось влияние патаренства (богомильской ереси, которая вела свое начало из Болгарии). Эта ересь была очень распространенной и в Греции, а также чуть ли не во всех западных государствах — в Германии, Франции, Италии. Она имела на Западе разные названия, и между прочим — альбигойской ереси, против которой предпринимал крестный поход папа Иннокентий III (1198–1216). В Боснии одно время эта ересь была господствующей

верой. Кроме того, сильно было язычество. Сплошь и рядом в брак вступали без церковного венчания.

Когда св. Савва сделался сербским архиепископом, он принял меры к тому, чтобы его паства сделалась православной. Между прочим он сделал обязательным, чтобы все христиане были повенчаны по-православному, и так как многие уже имели детей в невенчанном браке, то он распорядился, чтобы дети тоже принимали участие в венчании: находились в это время «под воскрилием» матери.

Посвящение св. Саввы, которое произошло в 1222 г. от греческого (Никейского) патриарха Германа, рассматривается как факт окончательного присоединения Сербской Церкви к православному Востоку, к православному греко-славянскому миру. Поэтому св. Савва называется просветителем, а иногда даже и апостолом Сербской Церкви.

Конечно, своим духовным воспитанием св. Савва, 17-летним мальчиком бежавший из родительского дома, был обязан исключительно Св. горе Афону.

Св. Савва был не только просветителем сербов, но и первым организатором их Церкви, учредителем сербской иерархии, монашества, распространителем духовного просвещения и церковной книжности. Главным помощником ему во всем этом был Хиландарский монастырь. А в основе всего находилась Св. гора Афон.

Со смертью Саввы († 12 января 1235 или 1236 г.) отношения Сербской Церкви с Афоном не прекратились. Наоборот, они, можно сказать, усилились, потому что Афон явился рассадником монашества в Сербии и все или большинство сербских иерархов свое воспитание и даже пострижение получили на Афоне, в Хиландаре.

К Афону Сербия тяготела на протяжении всего своего исторического существования, и недаром в вышеуказанном сербском народном стихотворении делается такое обращение: «Серби! Брату о драга, тамо трайте блага, Ах!.. У Светој Гори С небом се говори...» («Сербы! Дорогие братья, там вы ищете своего счастья!.. Ах, на Святой Горе можно говорить с Богом»).

Но начиная с XVII в. главное внимание сербов было обращено на военные дела. Они не потеряли, как болгары, своей церковной самостоятельности. Их патриарх (у черногорцев — митрополит) заменял у них и гражданского начальника, и воеводу. Избегая турецкого гнета, сербы в конце XVII в., под руководством Печского патриарха Арсения III Черновеича, переселились в пределы Австро-Венгрии. Там образовалась самостоятельная Сербская Церковь. Сербы жили на границе между Венгрией

и Турцией. Их главной обязанностью было военное дело. Монашество в Сербии в это время было в упадке. Потому Хиландарский монастырь оказался в конце XVIII в. во владении болгар.

У болгар церковной самостоятельности в турецкое время не было, но их внимание в очень сильной степени было обращено на церковную жизнь, в особенности — на монастырскую. В самой Болгарии богослужение совершалось по-гречески, а славянское богослужение разрешалось только в монастырях, находившихся где-нибудь в горах, например в Рыльском монастыре.

Конечно, и на Афоне богослужение совершалось на славянском языке. Там были два крупных монашеских центра — Хиландар и Зограф. Эти два монастыря служили оплотом болгарского национального возрождения, которое началось в первой половине XIX в.

В Хиландаре жил и подвизался родоначальник болгарского возрождения игумен Паисий Хиландарский, автор славено-болгарской истории, который ознакомил болгар с их прошлым. Эта история оказала огромное влияние в деле болгарского возрождения. Таким образом, Св. гора Афон сыграла огромную роль в деле укрепления в православии славян и в деле их национального возрождения.

Св. гора Афон имела чрезвычайно большое значение и в деле поддержания верности св. вере христианского населения Турции во время турецкого ига. Среди всех православных народов Турции в турецкое время имело место и массовое, и единоличное потурчество. Случалось, что под влиянием молодости, неопытности, разных увлечений и т. п. те или другие христиане — греки, болгары, сербы и др., первоначально и были потурчиваемы, но потом раскаивались. В этом отношении великую роль играла Св. гора Афон. Угрызаемые совестью, принявшие мусульманство лица удалялись на Афон. Наставляемые афонскими старцами и подвижниками, они приносили покаяние в своем грехе и через более или менее продолжительное время решались возвратиться туда, где они отреклись от христианской веры, и добровольно отдавали себя на мученичество. Известно, что по турецким законам отречение от ислама, хотя бы и силой навязанного, неминуемо влекло за собой смерть. Почти каждая обитель на Афоне имела таких мучеников из числа своих постриженников, имела их иконы и торжественно справляла память их.

На Св. Горе выяснялся и характер православного благочестия. Например, происходили споры, как нужно причащаться — часто или не очень часто. Были защитники и того, и другого взгляда, приводившие свои

основания. С ними можно познакомиться у преосвященного Порфирия (Успенского) в его Истории Афона. Афон, таким образом, допускал ту и другую практику.

Но значение Афона этим не ограничивалось. Афон между прочим был центром церковного и отчасти литературного движения еще в византийское время. Незадолго до падения Византии, в XIV в., главным образом на Афоне происходило так называемое исихастское движение и развивались так называемые варлаамитско-паламитские споры.

Мы не будем входить в подробности этого движения и все перипетии этих споров, долго волновавших Византию, так как это завело бы нас слишком далеко, а обратим внимание только на сущность дела. Здесь столкнулись Восток и Запад в их различном направлении церковной жизни.

Православный Восток всегда оставался верен духовному пониманию христианства, в особенности христианского подвижничества. В основу духовной жизни на Востоке всегда полагалась молитва, высшим видом которой является «умная молитва», соединяющая человека с Богом. Следствием такого молитвенного расположения, или, вернее, — результатом духовного подвига является «блаженное смирение», душевный покой, так называемая «исихия». Отсюда — название «исихазма», начавшего развиваться в Византии, и особенно на Афоне, со времени преп. Григория Синаита († 1346 г.). Таким образом, византийское подвижничество имело в общем созерцательный характер, интуитивный характер. Но таким характером отличалось все восточное подвижничество, начиная с Антония Великого и других великих подвижников Востока — Макария Великого, Иоанна Лествичника, Симеона Нового Богослова (XI в.) и других, представленных, например, в известном сборнике византийского происхождения — «Добротолюбии», последняя обработка которого принадлежит нашему подвижнику, святителю Феофану Затворнику. А начало этого подвига восходит еще к самому началу христианства — см. 2 Кор. XII, 2 и 5.

Духовная жизнь Запада довольно рано приняла другое направление — внешне-практическое. Это оказалось и в западном подвижничестве, принявшем преимущественно внешне-благотворительный характер, и в направлении западного богословия, и в церковном управлении. В западном богословии в средневековый период царил схоластика, в основе которой лежал рациональный подход к религиозным вопросам (ср. об этом замечания А. С. Хомякова). Тот же рационализм проникал и папскую систему, последним выводом из которой было внешнее властительство папы

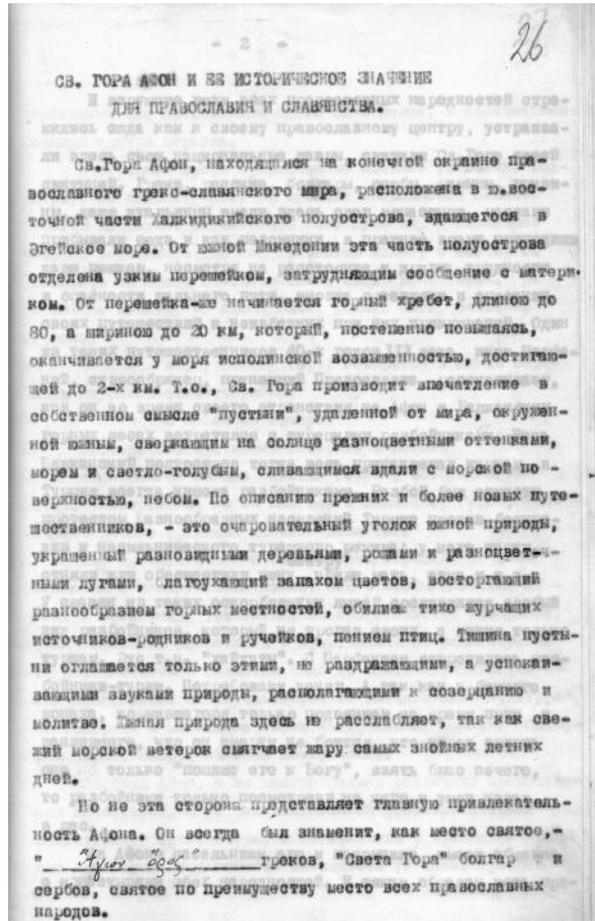
над Церковью и над миром. С полной же силой рационализм сказался в протестантстве, насквозь им проникнутом.

При папе Николае I (858–867 г.) и Константинопольском патриархе Фотии (первое патриаршество которого совпадает с указанными годами) эти два различных направления Востока и Запада впервые столкнулись, преимущественно в области внешне-церковной политики.

В половине XI в. именно это различие в направлении религиозной жизни Востока и Запада было основной причиной окончательного разделения между Церквами.

Но в XIV в. этим двум различным направлениям церковной жизни и понимания христианства суждено было еще раз столкнуться, преимущественно на Афоне.

В это время из Калабрии, т. е. южной Италии, называвшейся когда-то Великой Грецией, где было много греков, но уже значительно к тому времени олатиненных, переселился в пределы Византии некто Варлаам. Он был человеком выдающимся: прекрасно знал латинский и греческий (*in utraque lingua institutus*), что было в то время редкостью. В Италии он читал лекции о греческом языке, преподавал его знаменитому своему современнику Франческо Петрарке, приготовил учителя

Первая страница статьи «Св. гора Афон и ее значение для православия и славянства» (Архив СПбДА. Д. 1314. Л. 26)

для Джованни Боккаччо, содействовал ознакомлению Запада с идеями греческого гения. Он изучил Евклида (математика), Аристотеля, Платона. На Востоке он выступал, как грек, в защиту православного учения против латинства, но в сущности он был уже «латинумудрствующим». Когда на Афоне он познакомился с исихастами, он не понял сущности их мистики, высмеял подвижничество, назвав их «мессалианами» и «омфалопсихами». Разделяя рационалистические взгляды схоластики и уважая чрезвычайную эллинскую мудрость, Варлаам учил, что в общение с Богом не может вступить тот, кто не изучил Пифагора и Платона, не ознакомился с законами природы. Особенное значение в постижении истины он придавал логике и диалектике Аристотеля.

На защиту афонских подвижников выступил преп. Григорий Палама. Разгоревшийся спор сосредоточился преимущественно на разрешении одного частного вопроса о Фаворском свете. Варлаам считал этот свет вещественным и сотворенным, так как он был видим учениками Господа телесными очами. Палама же признавал Фаворский свет, осиявший Господа, присносущным светом, проявлением Божественной жизни и Божественной благодати.

Этого осияния или света могут удостаиваться и достойные люди — истинные подвижники, совершенные исихасты. Этот свет сообщает им истинное знание, по способу, известному только Богу и этим достойным. Иначе говоря, это делается путем созерцания, откровения и молитвы. А знание, получаемое через силлогизмы и человеческий разум, хотя и не отвергается Паламой всецело, но признается осуетившейся мудростью, могущей не приближать к Богу, а даже удалять от Него, если кто злоупотребляет ею и надмевается ею.

Варлаам, отверженный на православном Востоке, удалился в Италию и сделался римско-католическим епископом. А учение Паламы сделалось типичным для православного Востока. В Болгарии, перед ее турецким завоеванием, последователем этого учения (исихазма) был преп. Феодосий Терновский, ученик преп. Григория Синаита. Проникло оно к нам, на Русь, и сделалось синонимом истинного православия.

Накануне падения Византии Константинопольские патриархи нередко поставлялись из исихастов. Такими были патриарх Каллист I (1350–1354), Филофей (1354–1355 и 1362–1376) и Каллист Ксанфопул, поставленный в 1397 г. Некоторые историки, как, например, проф. А. П. Лебедев, считают их ничем не замечательными, а между тем их творения, помещенные в извлечении в V томе «Добротолюбия», являются типичными

выразителями не только тогдашнего богословия, но и внутреннего настроения их авторов, и характеризуют их с весьма высокой стороны.

Между прочим патриарх Каллист замечателен тем, что обратил внимание на состав духовников для народа. Он передал должность духовников лицам монашеского чина, и этот обычай держался на Востоке и во всех славянских странах, подведомых Константинопольскому патриарху, во время всего константинопольского периода. Во время одного из патриархов исихастского направления, Филофея, преп. Григорий Палама был причислен к лику святых.

С падением Византии (1453) исихазм, мистицизм, представленный двумя фессалоникийскими архиепископами — свят. Григорием Паламой и Николаем Кавасилой, одержал блестящую победу. Святая Гора, по выражению историка-протестанта Гельцера, оказалась «Сионом истинной веры». Во время ужасного кризиса умирания Византии, когда османы безжалостно ее топтали, «Афон стал убежищем тишины, которой искали разбитые духом, но вместе с тем и многие сильные сердца, разочарованные в земной жизни, предпочитали в том же уединении от мира в соединении с Богом пережить душевную скорбь. Множество несчастных и обездоленных не только греческой, но и славянской нации искали и нашли там подлинное утешение в эти тяжелые времена». Византия пала, но, тем не менее, она оставила великое наследие не только в виде внешней культуры, которую изучает наука, но она оставила наследие и духовное. Это преимущество — дух Православия. И это наследие хранилось особенно на Афоне.

Один из замечательных богословов Юго-Западной Руси XVII в. Захария Копыстенский в своей книге «Палинодия» видит в мистике, которая развивалась в Византии в период ее падения, истинную христианскую мудрость, которую утратил западный христианский мир.

Эта мудрость пришла и к нам, в Восточную Русь, через Афон, который посещали многие русские люди, который в свое время посетил и преп. Нил Сорский, один из лучших представителей нашего монашества. Эта мудрость пришла к нам из Афона через учение преп. Нила Сорского, через учение Паисия Величковского, через заволжских и оптинских старцев и отразилась в творениях позднейших богословов, как, например, святителя Феофана Затворника, святителя Игнатия Брянчанинова и других лучших представителей нашей Церкви.

Скажем еще несколько слов о различных формах афонского подвижничества. Преобладающей формой было общежитие. В этом отношении

лавра св. Афанасия была примером для других монастырей в устройстве монастырской жизни. Но там существовали и другие формы монашеской жизни. Кроме общежительных монастырей, так называемых киновий, существуют так называемые идиоритмы, это уже не общежительные монастыри, где все общее — и трапеза, и одежда. Идиоритмы — монастыри своежительные. Здесь монахи живут обособленно друг от друга, не имея ни общей трапезы, ни общего имущества.

За сим существуют так называемые скиты. Скит — это иноческая община, состоящая из множества монашеских келий, расположенных на земле какого-нибудь из больших афонских монастырей. Такая община имеет своего начальника — настоятеля, называемого дикеем, который избирается всем братством.

Скиты тоже разделяются на идиоритмы и киновии. В идиоритмах нет общей трапезы и общей одежды. В киновиях, как общежительных общинах, и трапеза, и одежда общие.

Отдельное устройство имеют келлии. Келлия представляет собой небольшой монастырек, расположенный на земле одного из главных афонских монастырей или на территории Святогорского местного управления Кареи.

Во главе келлии находится геронт, который ею управляет. Келлия не обязательно состоит из одной только постройки. Некоторые келлии ограничивались 2–3 человеками, а другие имели от 20 до 100 иноков и были общежительными. Монахи этого рода называются келлиотами.

От келлий нужно отличать еще каливы. Калива представляет собой отдельное небольшое здание, где живет геронт-старец и один из его учеников. Обыкновенно калива меньше и беднее келлии, не имеет своего храма, снабжена небольшим участком земли с маленьким садом или огородом. Два ее насельника (старец-геронт и его ученик) живут трудами своих рук, или обрабатывая свой участок земли, или нанимаясь на работу в скитах или келлиях. Они представляют собой особый вид подвижничества.

Многие каливы расположены в удаленных и малодоступных местах Св. Горы. Живущие в них проводят суровую иноческую жизнь. Такие каливы называются аскетическими.

От каливитов отличаются сиромахи. Это особого вида афонские отшельники, не располагающие почти никакой собственностью. Они живут по 2 или 3 человека, а иногда по одному в естественных пещерах Афона, нередко в лесу под камнем или в дупле дерева, не имея защиты

от непогоды, зноя и холода. Они делают ложки, костяные четки, работают в огородах, собирают ягоды, нанимаются на работу к келлиотам, чтобы добыть кусок хлеба. Собирают и милостыню в монастырях, где иногда им дают что-либо из одежды, хлеб, сухари, немного денег. Раз в неделю сиромахи причащаются в храмах ближайших монастырей. Самый их образ жизни — подвиг.

Многие из них живут в пещерах скалистого ущелья Карулья, куда поднимаются при помощи канатов или веревочных лестниц, висящих над бездной и укрепленных на скалах. Они редко оставляют свои малодоступные жилища. Все время проводят в молитве и трудах. Пища их суровая — хлеб и трава, изредка рыба, которую рыбаки кладут им в спущенные к морю корзины. По субботам в эти корзины кладут милостыню и из соседних монастырей. Некоторые из сиромахов странствуют, переходят с места на место, в летнее время живут на горных вершинах, а зимой спускаются в долины. Только на смертном одре обретают они отдых от своего жизненного подвига, исполненного всякого рода лишений.

В центре находится монашеский городок Карея. Тут сосредоточивается центральное управление Афона — протат, состоящий из представителей («антипросопов») 20 главных афонских монастырей. Каждый из антипросопов имеет свой «конак», представляющий собой небольшой монастырь с храмом и келлией для самого антипросопа и состоящей при нем братии. В 1902 г. всех монахов на Афоне было 7521 человек: 3207 греков, 3615 русских, 340 болгар, 288 румын, 53 грузина и 18 сербов.

По последним сведениям (см. Журнал Московской Патриархии, 1952 г., № 6), в 1914 г. число русских монахов на Афоне возросло уже до 6000 человек. Но в 1934 г. оно уменьшилось уже до 1500 человек, а во время Второй мировой войны снизилось до 400–500 человек. Сербов в Хиландаре в 1914 г. было 130, в 1934 г. 60 человек, а в 1943 г. уже только 34. О болгарах, румынах и грузинах нет сведений.

После Первой мировой войны Хиландарский монастырь, находившийся до того времени в руках болгар, был передан, очевидно, сербам. Причина понятна: сербы в Первой мировой войне, как и во время предшествовавшей ей Балканской войны, были в лагере победителей, болгары — в лагере побежденных.

Таким образом, очевидно, что положение вещей на Афоне после Первой мировой резко изменилось. Если раньше отношения между монастырями и иноками Афона, принадлежащими к разным национальностям, определялись главным образом началами и духом

св. Православия — духом христианской веры, единомыслия, взаимной любви и благожелательства, то теперь они стали определяться мирским духом национализма, национальной вражды и нетерпимости.

Если раньше Афон в идеальном представлении всех верующих, не только простых людей, восхищавшихся высоко-христианским духом Афона, но и их руководителей (имп. Алексей Комнин — XI в., имп. Михаил Палеолог — XIII в.), даже в представлении Запада, уже начавшего уклоняться от духа православия (папа Иннокентий III — XIII в.) был «вторым раем», «небесным царством» на земле, не только «Св. Горой», но «Домом Божиим», «вратами небесными», «Горою Богоименною, которую возлюбил Бог, чтобы обитать в ней», то теперь все это идет на смарку. Божие в отношениях греков к славянам подменяется низким человеческим, а через это уничтожается самый дух православия на Афоне, самое ценное в нем, что привлекало к нему во все времена верующих людей. Св. гора Афон в своей главной сущности — это средоточие и выразитель православия, объединение всех православных народностей, — можно сказать, готова прекратить свое существование и превратиться в обыкновенный греческий монастырь.

Неужели духовные руководители, от которых зависит это дело, и прежде всего «вселенский» Константинопольский патриарх, допустят совершиться этому страшному делу? Конечно, с исторической точки зрения то, что теперь происходит на Афоне, не представляется неожиданным. Греки всегда были преувеличенного представления о своем значении в православии. «Всегда свет быша грецы, — писали еще Лихуды в XVII в. в Москве, — и есть и будут до скончания века».

Греческие богословы смешали два разных и далеко не равноценных понятия — эллинизм и православие, и заменили второе первым. Они навязывали нам в конце XVII в. не только церковный обряд, но даже и внешние особенности своего быта (рясы, камилавки). Через это они в значительной степени способствовали происхождению русского старообрядчества. Через насильственное навязывание болгарам греческих епископов и греческого языка в богослужении в XIX в. они произвели болгарскую схизму (см. об этом нашу статью в ЖМП, 1948 г., № 7, 11 и 12).

Когда южное славянство стало пробуждаться, освобождаться от греческого господства в Церкви и стремиться к самостоятельной национальной и церковной жизни, греки увидели в нем своего врага. «Борьба отныне идет, — говорил в 60-х гг. XIX в. греческий посланник в Константинополе Делиани русскому послу гр. Игнатьеву, — между славянством

и эллинством; борьба эта уже началась, и Греции следует показать в ней всю свою силу и непоколебимость».

Эта борьба отразилась и на Афоне в 70-х гг. во время Пантелеимоновского процесса. Враждебное отношение к русским, а также и к болгарам на Афоне (по тогдашнему мнению греков, «болгары и русские одно и то же» — см. К. Н. Леонтьева «Восток, Россия и славянство», т. 1. М., 1885. С. 58–59) продолжалось и дальше.

Но тогда Афон входил в пределы Турции и греки не могли проявить себя там каким-либо насильственным действием и нарушить вековые традиции Афона. Это стало возможным, только когда Афон оказался во владениях Греции, и вот мы наблюдаем теперь насилия над славянским монашеством Афона и даже прямое изгнание из славянских афонских монастырей. Давно накопившаяся вражда греков к славянам проявляется теперь во всей своей силе.

Константинопольская патриархия, по названию и идее «вселенская», в действительности была обыкновенно греческою. Но в исторические моменты исключительной важности в лице своих лучших иерархов она умела становиться на высоту «вселенского» понимания момента. Так было, например, при патриархе Фотии (IX в.), давшем памятный на все времена отпор властительским притязаниям на Востоке папского Рима. Так было, как мы видели, и позднее — например в XII в., при патриархе Германе, когда решался вопрос о Сербской Церкви. На высоту «вселенского» понимания пользы церковной стала Константинопольская патриархия и в самое последнее время, когда в 1945 г. уничтожила историческую несправедливость и сняла болгарскую схизму. Будем верить, что теперь Константинопольская патриархия сумеет стать на высоту православного сознания и останется выше национальных пристрастий.

В это божественное просветление затемненного страстями человеческого сознания всегда верил Православный Восток. За эту веру в Божественное просветление боролась Св. гора Афон в одни из самых трудных минут жизни Православной Восточной Церкви — в лице преп. Григория Паламы и других восточных подвижников. Будем и мы в это верить и молиться Божественному Светодавцу о просветлении между-православных взаимоотношений: «Да воссияет же и нам грешным свет Твой присносущный, молитвами всегдашней Заступницы нашей Богородицы, Светодавче, слава Тебе!»

Проф. прот. В. М. Верюжский

26 сентября 1952 г.

Archpriest Basil Veryuzhsky. The Holy Mountain of Athos and its Meaning for Orthodoxy and the Slavs (*previously unpublished article from 1952, from the archives of St. Petersburg Theological Academy*).

This article was written by Archpriest Basil Veryuzhsky, Professor of Leningrad Theological Academy, over half a century ago, in 1952. He reviews in brief the history of monasticism on Mt. Athos, and the impact of hagiote ascetic traditions on the history and culture of the Slavs. He pays special attention to the relations between the Russian, Serbian and Bulgarian Orthodox Churches and Mt. Athos, as well as the problems in the relations between Greeks and Slavs from the 19th to the mid-20th century. These ethnic disagreements were not accidental. Rather, the professor argues, “the Greeks always had an exaggerated view of their role in Orthodoxy”. The author believes that disavowing such views would allow the Patriarchate of Constantinople “to rise above national tendencies and take its place at the height of Orthodox consciousness.” Here the text of this article is presented, based on the personal file of Professor Archpriest Basil Veryuzhsky in the Archives of St. Petersburg Theological Academy (file 1314. pp. 26–58), with a few stylistic and orthographic corrections.

Keywords: Prof. Archpriest Basil Veryuzhsky, Archives of St. Petersburg Theological Academy, Mt. Athos, Patriarchate of Constantinople, Russian Orthodox Church, Serbian Orthodox Church, Bulgarian Orthodox Church, St. Athanasius of Athos, St. Gregory Palamas, Chilandar, Zografou, St. Panteleimon’s Monastery.

Archpriest Basil Veryuzhsky (1874–1955) – Professor of Leningrad Theological Academy.